

Прозаические произведения Некрасова создавались в самый канун 60-х годов. Их значение велико, но не они прославили Некрасова, не они приобщили его к числу подлинных классиков великой русской литературы. Эта заслуга всецело принадлежит выпущенному им в 1856 году сборнику стихотворений. Прежде чем говорить об этом сборнике, отметим, что начало 60-х годов ознаменовано бурным подъемом общественного движения. Падение крепостного права, препятствовавшего развитию производительных сил страны, было исторически неизбежным, но особенно очевидной стала эта неизбежность после поражения царизма в Крымской войне. «Крымская война, — писал В. И. Ленин, — показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские „бунты“, возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать пока свергнут *снизу*».²⁴ Историческая неизбежность крестьянской реформы обусловила неизбежность и других реформ. Ожидание их, тем более первые шаги к их претворению в жизнь, как бы робки, нерешительны, половинчаты они ни были, вызвали в обществе еще невиданное возбуждение. Реакционеры, на первых порах еще не ощутившие, что их классовые интересы заботливо оберегаются правительством, были несколько смущены. Либералы дружно ликовали по поводу якобы наступившей эры «великих реформ». Об отношении к этой последней революционных демократов можно судить по ряду документов той эпохи, в том числе и по некрасовскому сборнику 1856 года. Всё его содержание свидетельствует о том, что поэт прежде всего счел нужным в полный голос напомнить обществу о продолжающихся тяжких страданиях народа и о безграничном эгоизме эксплуатирующих его высших классов. Мало того, в сборнике 1856 года весьма недвусмысленно звучали призывы к борьбе, к революционной борьбе, обращенные к истинным друзьям народа, и были беспощадно разоблачены ложные друзья народа. Если к сказанному добавить, что благодаря строжайшему отбору, произведенному Некрасовым, в сборник 1856 года попали только лучшие его стихотворения 40-х и 50-х годов, — лучшие по своему идейному смыслу и по своим художественным достоинствам, — то не будет преувеличением назвать эту книгу, в известной мере, эпохальной. Недаром успех ее был поистине беспримечен.

Н. Г. Чернышевский, сообщая Некрасову в письме от 5 ноября 1856 года о том, что полученные в Петербурге пятьсот экземпляров разошлись в два дня, добавляет: «Восторг всеобщий. Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли „Ревизор“ или „Мертвые души“ имели такой успех...».²⁵

Двумя днями позднее о колоссальном успехе «Стихотворений» Некрасова («экземпляры пропадают в лавках, как только появляются») упоминает П. В. Анненков в письме к И. С. Тургеневу от 7 ноября.

10 ноября В. П. Боткин в письме к тому же адресату заявляет: «Не было примера со времени Пушкина, чтоб книжка стихотворений так сильно покупалась».

М. Н. Лонгинов, в свою очередь (в письме от 18 ноября), спешит сообщить Тургеневу о том, что «Стихотворения» Некрасова «возбуждают фурор», а в письме от 22 ноября — что они «производят впечатление невообразимое».

И. С. Тургенев, на основании полученной из России информации, в письме от 30 ноября уведомлял Герцена «о громадном, неслыханном успехе стихотворений Некрасова»; «1400 разлетелись в две недели; этого не бывало со времени Пушкина».²⁶

Сборник 1856 года Некрасов готовил, когда здоровье его находилось в таком плохом состоянии, что не только он сам, но и его друзья считали его приговоренным к смерти. Вследствие этого сборник 1856 года представлялся поэту изданием, как бы завершающим его творческий путь, как бы его «лебединой песней», и он все усилия приложил, чтобы оно

возможно ярче и отчетливее обрисовало его поэтический облик. В этих целях он ввел в издание далеко не все стихотворения из числа тех, которые написал до 1856 года,²⁷ а отобранные им стихотворения расположил не в хронологическом порядке, а скорее в тематическом, хотя при этом старался в известной мере соблюдать и жанровый принцип. Так, после «введения», — таким декларативным «введением» послужило стихотворение «Поэт и гражданин», — он печатает 72 стихотворения, составляющие четыре неравномерные по своей величине отдела.

В первом отделе Некрасов напечатал 11 стихотворений, сгруппированных вокруг темы «народ». Среди них выделяются стихотворения: «В дороге», «Влас», «В деревне», «Огородник», «Забытая деревня», «Школьник». Во второй отдел вошло 14 стихотворений, разоблачающих тех, в ком Некрасов видел врагов народа, т. е. помещиков, чиновников, буржуа-капиталистов и т. д. Здесь особого внимания заслуживают стихотворения: «Отрывки из путевых записок графа Гаранского», «Псовая охота», «Колыбельная песня», «Филантроп», «Современная ода», «Секрет», «Нравственный человек». Третий раздел составляет одно стихотворение — поэма «Саша», в которой идет речь об истинных и ложных друзьях народа. Наконец, четвертый раздел — в нем 46 стихотворений — сплошь состоит из лирических стихов.

Подобная композиция книги очень удачна, ибо она подчеркивала, что идейной доминантой некрасовского творчества является стремление в сочувственном свете изобразить угнетенный и обездоленный, но в то же время и могучий русский народ, обличить и заклеить тех, кто предстоял сознанию поэта как виновники бедствий народа, как подлинные враги народа, прояснить вопрос о том, какими же свойствами нужно обладать, чтобы проявить себя — не на словах, а на деле — истинным другом народа, и, наконец, обрисовать личность поэта как со стороны присущих ей общественно-психологических свойств, так и в плане чисто личном, иногда же интимно-личном.

Представители народной среды, по Некрасову, в высокой степени способны к интеллектуальному развитию; для них не составляет труда подняться до того уровня образованности, на котором стоят высшие классы; однако в гиблых условиях тогдашней русской действительности полученное ими образование служит им не в пользу, а во вред, до крайности отягчая их и без того тяжкую жизнь, более того, нередко преждевременно сталкивая их в могилу. К таким выводам приводит читателя образ Груши в стихотворении «В дороге», первом же стихотворении первого отдела, и рассказ о ее скорбной судьбе.

Не менее высоко стоят представители народной среды в нравственном отношении. Об этом призван свидетельствовать образ Власа (стихотворение «Влас»), который, осознав греховность своей прежней жизни, оказался способным не только морально переродиться, но и, отрекшись от собственности («Роздал Влас свое имение, Сам остался бос и гол»), стать настоящим подвижником общественного служения. Правда, он избирает не ту форму общественного служения, которая могла бы принести действительную пользу народу, но это не снижает высоты его морального облика.

Если Влас воплощает в себе духовную мощь народа, то Саввушка («В деревне») — это воплощение его физической мощи.

В образе огородника (стихотворение «Огородник») прежде всего подчеркивается его физическая красота, физическое обаяние. И понятным становится, что «дворянская дочь», преодолевая предрассудки своей касты, отдала свою любовь этому удалцу и красавцу. Образ огородника дорисовывает его поведение на допросе: ему легко было опровергнуть обвинение в воровстве, — стоило только объяснить истинную причину своих ночных походов («крался в горенку к ней»), но он, дорожа честью любимой девушки,

...стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Под стать красавцу огороднику «чернобровая дикарка» в стихотворении «Тройка»:

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий непрочь...

Страстно тянется к счастью героиня стихотворения, и она заслуживает его, но на пути к нему непреодолимой стеной стоит грязный и мрачный быт укрепленной деревни:

...не то тебе пало на долю...
От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

Вдумываясь в образы упомянутых выше Некрасовских стихотворений, нельзя не прийти к заключению, что они созданы поэтом, прекрасно знающим свой народ и страстно любящим его.

Чувство трезвого отношения к действительности редко изменяло Некрасову с тех пор, как он вступил на дорогу реалистического творчества. Он знает, хорошо знает, что условия русской жизни таковы, что неизбежно прививают представителям народной среды ряд отрицательных черт.

Трудно представить себе более отрицательный образ, чем образ Власа до его нравственного перерождения («Брал с родного, брал с убогого, Слыл кашею-мужиком»), — образ кулака-миродея.

В только что рассмотренном стихотворении «Тройка» также мелькают отрицательные образы. Вспомним:

Будет бить тебя муж-привередник,
И свекровь в три погибели гнуть.

Стоя на тех же эстетических позициях, на которых стоял Чернышевский, требовавший от искусства не только воспроизведения, но и объяснения жизни, Некрасов, рисуя отрицательные образы и явления народной среды, умеет их объяснить.

Заключают первый раздел два сравнительно поздних по времени написания стихотворения: «Забытая деревня» (1855) и «Школьник» (1856). Первое из них дает новое и очень яркое доказательство того, какой силой художественного обобщения обладает Некрасов. Ряд отдельных эпизодов, как бы выхваченных непосредственно из жизни (горе бабушки Ненилы, которая не имеет лесу для починки «избенки»; горе крестьян, которым не у кого искать защиты против «лихоимца», оттягавшего у них землю; горе Наташи, которой «главный управитель» запрещает выйти замуж за любимого человека), под его пером превращается в широчайшую картину крепостнической действительности николаевской эпохи. «Забытая деревня» — это заглавие относится не столько к определенной деревне, сколько ко всей стране, в которой таким «забытым деревням» поистине «нестя числа». Настоящий смысл рассматриваемого стихотворения был ясен многим современникам. В рапорте чиновника особых поручений Волкова содержится определенное указание, что за «видимой целью этого стихотворения — показать публике, что помещики... не вникают вовсе в нужды крестьян своих, даже не знают оных, и вообще не пекутся о благосостоянии крестьян. Некоторые... из читателей... видят... какой-то тайный намек на Россию» (I, 572). А раз «забытая деревня» не что иное, как вся Россия, то оба барина, владельцы «забытой деревни», изображенные в заключительной строфе, — только что умерший «старый» и унаследовавший после него «забытую деревню» «новый», — пожалуй что, не простые помещики.

Если учесть то обстоятельство, что «Забытая деревня» была написана в год смерти Николая I и вступления на престол Александра II, а также и то, что помещики «забытой деревни» проживают в «Питере», то создается почва для более или менее вероятного предположения, что в лице «старого» барина Некрасов имел в виду изобразить Николая I, а в

лице молодого — Александра II. Нечего и говорить, что в этом случае «Забытая деревня» приобретает ярко антимонархический, а потому, в известной мере, и революционный смысл. Не надейтесь на молодого царя (барина), как не стоило вам надеяться на старого: старый не пожелал ничего сделать, чтобы облегчить тяжелую жизнь русского народа («забытой деревни»), не сделает ничего и новый.

В рассматриваемых стихотворениях первого раздела немало, как мы видели, положительных образов; от этих образов веет верой в великую как духовную, так и физическую мощь русского народа; однако в этих стихотворениях есть материал и для пессимистических выводов. Не сегодня-завтра умрет насильно выданная замуж Груша («В дороге»); на медвежьей охоте гибнет богатырь Саввушка («В деревне»); после унижительного телесного наказания ссылают в Сибирь удалого огородника («Огородник»); предрешена горькая судьба деревенской красавицы из стихотворения «Тройка»; вешается извозчик, хотя и был «парнем ражим, рослым человеком» («Извозчик»); ведут «торжественно в квартал» умирающего от голода вора («На улице»); обрушиваются одна за другой невзгоды на голову парня из стихотворения «Вино», и ему угрожает опасность спиться; остается неутоленным горе населения «забытой деревни».

Некрасов не был бы трезвым наблюдателем русской действительности, если бы вздумал обойти или замолчать ее мрачные стороны, но пессимистическому отношению к судьбам великого русского народа не было места в его душе. Поэт крепко верил в то, что если в настоящем русскому народу живется плохо, отсюда еще не следует, что в будущем его положение не изменится к лучшему.

Свою пламенную и глубокую веру в народ, в его молодое поколение Некрасов излил в замечательном стихотворении «Школьник». И не случайно этим стихотворением он закончил первый раздел своей книги. Оно говорит о таких свойствах и стремлениях народа, которые позволяют не беспокоиться о его грядущих судьбах. Общеизвестная концовка этого стихотворения как бы подводит итог неотвязным думам поэта о народе. Народ, из недр которого выходит

Столько славных то-и-знай, —
Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,

не может погибнуть и не погибнет!

Стихотворения первого раздела, в частности, порядок их размещения, свидетельствуют, как тщательно обдумал поэт этот порядок. Эти одиннадцать стихотворений образуют как бы единый цикл, более того, как бы единое целое, нечто вроде лиро-эпической поэзии о народе, о положительных и отрицательных сторонах его жизни, о способах преодоления этих последних, о грядущих судьбах народа. В этих именно стихотворениях, больше чем в каких-либо других, Некрасов нашел самого себя. Когда горькие предчувствия скорой смерти не оправдались, и Некрасов в 60-е, а затем в 70-е годы с новой энергией отдался поэтическому творчеству, выяснилось, что той именно струе в его поэзии, которую он заключил в рамки первого раздела, суждено было стать преобладающей.

Во втором разделе внимание поэта привлечено уже не к «добрым, благородным, сильным любящей душой», а к «тупым, холодным и напыщенным собой». Почти все стихотворения этого раздела — сатирические.

К сатире в это время Некрасов подходил вполне сознательно, о чем говорят соответствующие его высказывания, содержащиеся в том же сборнике 1856 года — в стихотворениях «Поэт и гражданин» («Проснись: громи пороки смело») и «Блажен незлобивый поэт...» («Питая ненавистью грудь, Уста вооружив сатирой» и т. д.). Он видит в сатире важную форму литературно-общественного служения.

Один из наиболее сокрушительных сатирических ударов Некрасов обрушивает на титулованных помещиков. Герой знаменитого стихотворения «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» именуется «un russe», но в действительности является одним из тех космополитов, которых так много появилось в России конца XVIII — первой половины XIX века. Граф Гаранский с гордостью говорит:

Во Франции провел я молодость свою;
Пред ней, как говорят в стихах, всё клонит выю...

Путешествуя по России «С французской кухней и с русским титулом графа», он обнаруживает вместе с презрением к русской жизни поразительное ее незнание.

Если граф Гаранский — тип европеизированного, офранцузенного барина, то герой «Псовой охоты» — тип старозаветного, засевавшего в своей усадьбе дикого и невежественного помещика, напоминающего многими чертами отца поэта. Наиболее драматической сценой стихотворения является сцена, изображающая столкновения барина с мужиком после того, как барские собаки растерзали крестьянского барашка. Барин отвечает на брань ударами арапника, но достаточно барину отъехать, как

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:
— Мы-ста тебя взбутетением дубьём,
Вместе с горластым твоим халуём!

Эта сцена дает основание для вывода, что Некрасов превосходно понимал, насколько антагонистичны интересы «барина» с его «горластыми халуями» и крепостных крестьян и какие протестующие настроения зреют в среде этих последних. На эти настроения, кстати сказать, имеются определенные указания в «Отрывках из путевых записок графа Гаранского» в рассказе ямщика о кровавой расправе крестьян с барином, осуществившим в своем имении «право первой ночи». Относящиеся сюда строки стихотворения оказались возможным напечатать только после Октябрьской революции.

Не менее сокрушителен сатирический обстрел, которому поэт подвергает другого кита самодержавно-крепостнического строя — бюрократию.

Если в «Колыбельной песне» изображен чиновник в духе «доброе старое время», то в «Филантропе» Некрасов дал образ чиновника («генерала»), который не чуждается литературы («В популярном изложении Восемь томов написал») и занимается благотворительностью. Одним словом, это чиновник новой, так сказать, формации. И тем не менее на поверку выходит, что и он в обращении с низшими практикует старые методы (топает ногами, выгоняет просителей с помощью гайдуков) и обнаруживает не только поразительную нечуткость, но и подлинное бездушие.

Не менее отрицательное отношение, чем к помещикам и чиновникам, проявляет Некрасов к сравнительно молодой по возрасту, но сугубо алчной, аморальной русской буржуазии. С этой точки зрения особый интерес представляет «Современная ода» и стихотворение «Секрет», названное в подзаголовке «Опыт современной баллады». Если «Современная ода» пародирует приемы и манеру ложноклассической оды, что подчеркивает и усиливает сатирическую установку стихотворения, то в «Секрете» в тех же целях пародируются приемы и манера романтической баллады.

Наш обзор второго раздела издания 1856 года будет неполным, если мы не скажем хотя бы несколько слов о стихотворениях, направленных против лицемеров и лицемерия.

В стихотворениях «Современная ода» и «Секрет» лицемерие задето постольку, поскольку оно составляет только одну из черт моральной физиономии изображаемых персонажей. В стихотворении же «Нравственный человек» лицемерие является главной, основной мыслью сатирика. Здесь, как помнит читатель, излагаются четыре эпизода,

характеризующие героя как мужа, отца, друга, наконец, как помещика. Каждый раз герой совершает сугубо безнравственные поступки, влекущие за собой смерть жены, дочери, приятеля, крепостного повара, совершает, прикрываясь маской законности и самодовольно восклицая:

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

Среди стихотворений второго раздела по чрезвычайной остроте своего социально-политического смысла выделяется стихотворение 1845 года «Отраднo видеть...», являющееся одной из самых смелых сатир Некрасова, и позволяет утверждать, что он уже в середине 40-х годов превосходно понимал, что отрицательные стороны русской жизни объясняются не частными недостатками государственного механизма, а самой системой, поддерживаемой теми, кого он именовал «подлецами».

Поэма «Саша», напечатанная в первом номере «Современника» за 1856 год и введенная поэтом в сборник 1856 года, в тексте которого она составляет третий раздел, является своего рода «поисками героя» накануне 60-х годов.

Прежде всего поэт дает понять, что не приходится искать «героя» среди представителей дворянской интеллигенции, среди либералов. Дворянин-интеллигент Агарин неглуп, образован, либерально настроен, но не стоек в своих убеждениях, а главное, абсолютно не способен претворять слово в дело. Во время первой встречи с Сашей он настроен оптимистически и не устает твердить, что «Солнышко правды взойдет над землею». И отъезд Агарина, возглашающего, что пора перестать «бить баклуши», что надо приниматься за «дело», воспринимается Сашей как переход от словесной пропаганды к созидательной работе. Во время второй встречи с Сашей Агарин неузнаваем: недавний его оптимизм сменился крайним пессимизмом; теперь он убежден, что

Оба тогда мы болтали пустое,

что

Род человеческий низок и зол.

Мало того, он позволяет себе трунить над скромными попытками Саши быть полезной народу, хотя бы в лице окрестных крестьян, обращающихся к ней за помощью.

Не ограничиваясь рассказом о том, как проявляет себя Агарин во время своего знакомства с Сашей, автор характеризует его от себя, и эта характеристика приводит к определенно отрицательной оценке Агарина, этого типичного представителя дворянской интеллигенции 40-х годов, причем, предваряя автора статьи «Что такое обломовщина?», Некрасов склонен бесполезность своего героя в общественном отношении объяснить его принадлежностью к тому социальному классу, который может жить, не работая, ибо «наследье богатых отцов Освободило от малых трудов». Не отрицая, что люди агаринского типа сеют «всё-таки доброе семя», Некрасов, однако, всем содержанием своей поэмы подчеркивает, что не этим людям суждено быть «строителями нового здания, изыскателями новых путей».

Иное дело Саша. Ее органическим свойством является стремление претворять слово в дело. Покамест сфера ее деятельности узка и ограничена, «Бедные все ей приятели-друзи: Кормит, ласкает и лечит недуги» и т. д. Настанет время, когда ее кругозор расширится (а что он расширится, порукой служит ее непрекращающийся умственный рост) настолько, что она найдет для себя более широкую, более плодотворную сферу деятельности.

«Над этой поэмой я думала, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать.

«Поэма учила, как жить, к чему стремиться. *Согласовать слово с делом* — вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других — учила она. И это стало девизом моей жизни», — утверждала Вера Николаевна Фигнер под впечатлением поэмы.²⁸ Но ведь таков же был девиз Саши. А потому нет ничего невозможного, если Саша, в конце концов, пойдет тем путем, который избрала Вера Фигнер и подобные ей.

Как бы то ни было, образ Саши — одно из несомненных достижений русской классической литературы. Его место — непосредственно после образа Татьяны. Он предваряет образы таких тургеневских героинь, как Наташа, Елена, Марианна. В связь с ними нельзя не поставить и некоторые женские образы последующих произведений Некрасова, например «декабристок» в поэме «Русские женщины».

«Саша» — не просто поэма, а поэма в такой мере насыщенная лиризмом, что целые страницы ее воспринимаются как лирические стихотворения. Вот почему наравне с образами Саши и Агарина в поэме значительное место занимает образ лирического героя, сливающийся с образом автора.

В первой главе нашли себе выражение горячая любовь автора к родине и родной природе и примирительные настроения, рожденные мыслью о близкой смерти. Никогда — ни до создания поэмы «Саша», ни после него — Некрасов не изменял чувству патриотизма, но обычно это чувство сливалось в его душе с чувством «печали и гнева» — «печали» от сознания, что родина страдает, «гнева» против тех, кто повинен в ее страданиях. Эти слитые воедино, казалось бы, разнородные чувства с особенными яркостью, силой и эмоциональностью были выражены Некрасовым в четверостишии:

Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

(«Газетная», 1865).

В начале поэмы мы видим нечто иное: чувство любви к родине — налицо, чувство «печали» — также налицо, но чувство «гнева» не нашло себе достаточно яркого выражения:

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало...

Заключительная глава поэмы, содержащая суровое разоблачение Агарина, представляет собой не что иное, как авторский монолог. Этот монолог, кстати сказать, заканчивается великолепной, выдержанной в чисто лирических тонах, картиной весеннего половодья. Она тем более удалась автору, что в ней нельзя видеть только пейзаж, — она, безусловно, имеет определенный социальный смысл, как бы предрекая то весеннее половодье, которое принято называть в истории русской общественности «шестидесятыми годами».

Хотя Некрасов и крепко верил, что

...благодатна
Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой,

а веря в это, возлагал великие надежды на молодое поколение, воплощенное в образе Саши, — однако он был слишком трезвым мыслителем, чтобы не понимать, что этому, и не только этому поколению, но и ряду других поколений

...нужны не годы —
Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Последний, четвертый, раздел издания 1856 года сплошь состоит из лирических стихотворений. Стихотворения четвертого раздела размещены вне всякой хронологической последовательности. За стихотворениями гражданско-лирического содержания следуют, сплошь да рядом, стихотворения интимно-лирического содержания. Это размещение преследует определенную цель — подчеркнуть, что душа автора широко открыта и гражданским и личным чувствам. Мало того, что широко открыта, — они так тесно в ней переплетаются, что не всегда возможно провести между ними сколько-нибудь резкую грань.

Детство, дружба, любовь, природа — это извечные темы лирической поэзии всех времен и народов. Некрасов тяготел к ним достаточно определенно, но умел придавать им чрезвычайно своеобразный характер тем, что сообщал им гражданскую окраску в духе своего мировоззрения.

На основании этого позволительно прийти к следующему заключению: гражданские элементы составляли такую неотъемлемую и основную сторону психологии Некрасова, что он очень часто не отделял их — не мог и не хотел отделить — от личных, даже интимно-личных элементов. Быть может, самой яркой чертой его поэтического гения являлось то, что гражданское для него становилось личным, а личное, сплошь и рядом, принимало характер гражданского.

В стихотворениях четвертого раздела биография автора, сливающаяся с биографией лирического героя, представляется в таком виде.

Он рос «В неведомой глуши, в деревне полудикой», «рос среди буйных дикарей», и ему «дала судьба, по милости великой, В руководители — псарей» («В неведомой глуши...»). В «сером, старом доме», в котором он провел свои детские годы, «что-то всех давило», «в малом и в большом тоскливо сердце ныло». Тем, «кто всех собой давил», был отец героя, «угрюмый невежда», суровый повелитель своих «подавленных и трепетных рабов», «губитель» своей кроткой и «болезненно-печальной» жены («Старые хоромы»; впоследствии «Родина»).

Если безрадостны были детские впечатления автора, то и юность его была омрачена тяжелой борьбой за существование, его «попутчиком лукавым» на долгое время стал «голодный труд», «Алчбы и жажды бледное дитя» («Последние элегии»). В это время герою приходилось жить в кошмарно-тяжелых условиях («Еду ли ночью...»).

Его юношеская любовь, любовь нищего и нищей, вписала ряд поистине трагических страниц в летопись его жизни («Еду ли ночью...»). Мотивам любви в рассматриваемой книге вообще отводится довольно много места.

За Чернышевским числится и всегда останется та заслуга, что и интимно-личные стихотворения Некрасова он оценил очень высоко. Знаменательны следующие слова его из письма к Некрасову от 5 ноября 1856 года: «...я вовсе не исключительный поклонник тенденции, — это так кажется только потому, что я человек крайних мнений и нахожу иногда нужным защищать их против людей, не имеющих ровно никакого образа мыслей. Но я сам по опыту знаю, что убеждения не составляют еще всего в жизни — потребности сердца существуют..., поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли... Я пустился в откровенности, — но только затем, чтобы сказать Вам, что я смотрю (лично я) на поэзию вовсе не исключительно с политической точки зрения».²⁹ Здесь нет и тени отрицания «политической точки зрения».

Не забудем, что и в это же время Чернышевский едва не навлек запрещения на «Современник», рискуя перепечатать в нем из издания 1856 года три стихотворения, в которых «политическая точка зрения» была выражена особенно ярко.

В интимной лирике Некрасова, «поэзии сердца», по терминологии Чернышевского, столь ощутительно проявляется психология нового человека, личность которого развилась как продукт новых социальных и классовых влияний и воздействий, что Чернышевский, остро чувствуя свою принадлежность именно к новому поколению, особенно был восприимчив к некрасовской «поэзии сердца».

В промежутки между созданием стихотворений «Вчерашний день...» (1848) и «Поэт и гражданин» (1856) Некрасовым было создано еще шесть стихотворений, и все они, в большей или меньшей степени, дают материал для уяснения сущности его литературно-эстетического credo. Это — стихотворения «Муза» (1851), «Блажен незлобивый поэт...» (1852), «Безвестен я. Я вами не стяжал...» (1855), «Праздник жизни — молодости годы...» (1855), «Замолкни, Муза мести и печали!..» (1855), «Чуть-чуть не говоря: „ты суцая ничтожность!“...» (1856). Из них наибольшее значение имеют первые два, так как проясняют отношение Некрасова к Пушкину и Гоголю. Благодаря этому в них отчетливо намечается литературно-эстетическая позиция самого Некрасова.

В стихотворении «Муза» противопоставляются две Музы: Муза Пушкина в том образе, в котором она является в его ранних стихотворениях 1821—1822 годов, — «Муза» («В младенчестве она меня любила...») и «Наперсница волшебной старины...» — и Муза самого Некрасова. Образ пушкинской Музы дан не без некоторого любования этой «ласково поющей и прекрасной» женщиной. Тем знаменательнее, что всем содержанием своего стихотворения Некрасов дает понять, что ранняя пушкинская Муза — не его Муза; его Муза — это «неласковая и нелюбимая Муза», «Печальная спутница печальных бедняков, Рожденных для труда, страданья и оков». Образ ее получает окончательную обрисовку в заключительном четверостишии:

Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

Гоголь был величайшим художником современности, влияние которого чувствовали все писатели его школы. По следам Гоголя пытался идти сам Некрасов, как только он приобщился к художественной прозе. В 1852 году Гоголь умирает, и Некрасов тотчас откликается на его смерть особым стихотворением («Блажен незлобивый поэт...»), в котором как бы подводит итог своим мыслям о Гоголе.

В стихотворении «Муза» противопоставлены образы двух муз, в данном же стихотворении — образы двух поэтов. Однако, если в «Музе» Некрасов всё же любит «пушкинскую музу», хотя и подчеркивает, что она не его муза, то в стихотворении «Блажен незлобивый поэт...» его отношение к «незлобивому поэту» явно ироническое. Некрасов дает понять читателю, что с «незлобивым поэтом» ему не по пути. Зато в последующих стихах он превозносит другого поэта — того, «чей благородный гений Стал обличителем толпы, Ее страстей и заблуждений», поэта, питающего «ненавистью грудь», вооружившего «уста сатирой», лира которого — «карающая лира», которого «преследуют хулы» и которому придется ловить

...звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

Совершенно ясно, что здесь речь идет о Гоголе, что всё это говорится для того, чтобы воздать должное только что умершему великому писателю. Но внимательно взглядываясь в этот центральный образ стихотворения, нельзя не придти к заключению, что Гоголю Некрасов приписал некоторые черты, еще в большей степени присущие ему самому. Герой некрасовского стихотворения — это поэт-боец, стимулом деятельности которого является не одна только любовь, но и ненависть — ненависть к социальному злу и его носителям. Концовка стихотворения — «И как любил он — ненавидя!» — впервые выражает ту мысль, которая пронизывает всё творчество Некрасова.

Через три года Некрасов пишет знаменитое стихотворение «Замолкни, Муза мести и печали!..», в котором не только находит изумительное по своей яркости и выразительности определение для своей Музы, но и ту формулу, которая лучше, чем какая-либо другая, раскрывает общественно-психологический источник его поэзии:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Оба великих вождя русской революционной демократии — и Белинский и Чернышевский — разделяли это мнение. Первый из них в письме к Кавелину (от 22 ноября 1847 года) утверждал, что «ненависть иногда бывает только особенною формою любви». ³⁰ Так же смотрел на вопрос и Чернышевский. Последний вкладывает в уста Лопухова (героя романа «Что делать?») уже после превращения его в Чарльза Бьюмонта следующие слова: «Я ненавижу вашу родину, потому что люблю ее, как свою, скажу я вам, подражая вашему поэту». ³¹ «Поэт», о котором говорит здесь Бьюмонт, без сомнения — Некрасов.

Рассмотренные нами стихотворения Некрасова о назначении поэта вообще, о его собственном назначении в частности, подготовили в своей совокупности знаменитый диалог «Поэт и гражданин».

Автор «Поэта и гражданина» твердо стоит на позициях критического реализма.

Без отвращенья, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.

Какие настроения возбуждает виденное там в душе автора? Иными словами, под каким углом он рассматривает социальную действительность?

Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!

Открытая честная ненависть к одним, в соединении с искренней любовью к другим, ведет к окончательному и бесповоротному разрыву с теорией «чистого искусства»:

С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Она требует активного вмешательства в жизнь, в социальную борьбу. Поэт прежде всего должен быть гражданином, который, помимо воздействия на общественное сознание словом, не должен уклоняться и от активного участия в «деле», конечно, в революционном деле, ибо участия в нем властно требуют интересы родины. Любовь к родине, к отчизне — определяющий момент в мировоззрении «достойного гражданина». Ради нее не страшны никакие жертвы; ради нее не жалко отдать самую жизнь:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно,
Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Будь гражданин! служи искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви...

Основное значение «Поэта и гражданина», опирающегося в своих выводах и формулировках на ряд упомянутых выше стихотворений Некрасова, в том, что именно это стихотворение ввело в широкий общественный оборот мысль, что поэзия — важное общественное дело, что поэт, стоящий на уровне передовых идей современности, не может не быть гражданином, не может не быть борцом. «Поэт и гражданин» — это декларация идейно насыщенной, политически острой поэзии, декларация, подтвержденная художественной практикой великого поэта.

Примечания

²⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 95.

²⁵ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, Гослитиздат, М., 1949, стр. 321.

²⁶ В. Е. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Некрасова, т. II, Гослитиздат, М. — Л., 1950, стр. 217—218.

²⁷ Так, например, ни одно из стихотворений сборника «Мечты и звуки» не попало в это издание. Точно так же не попали в него и фельетонно-юмористические стихи, вроде «Провинциального подъячего в Петербурге» и «Говоруна», ни псевдонародные сказки в стихах («Баба-яга», «Царевна Ясноцвета»), ни многочисленные пародии Некрасова и т. д. и т. п.

²⁸ В. Фигнер, Полное собрание сочинений, т. I, М., 1932, стр. 55.

²⁹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 322—323.

³⁰ Белинский, Письма, т. III, стр. 300.

³¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XI, 1939, стр. 311.